

Уважаемая редакция!

В № 9/10 Вашего журнала была опубликована глава „Социалисты” из новой книги Л. Алексеевой „История инакомыслия в СССР”. Работа Алексеевой, невероятно объективная и содержащая огромное количество фактической информации, бесспорно станет на многие годы вперед одним из важнейших источников для всякого, занимающегося данной проблемой. Именно поэтому представляется необходимым уточнить некоторые моменты, оставшиеся в ее книге, разумеется, не по вине автора, несколько неясными. Речь идет в данном случае о деятельности московской группы „молодых социалистов”, объединившихся вокруг альманаха „Варианты” и журнала „Левый поворот”.

Алексеева совершенно справедливо отмечает, что организаторы кружка стремились сделать марксистские и социалистические идеи вновь интересными и привлекательными для советских людей. При этом, однако, они прекрасно понимали всю меру скомпрометированности социалистических лозунгов. Специфика „молодых социалистов” и их качественное отличие от других молодежных групп левого толка состояла в том, что они искали выход не только на пути возврата к истокам и возрождения „истинных революционных ценностей”, а прежде всего — в обновлении самой социалистической идеологии. Отсюда интерес к экзистенциализму, психоанализу, левокатолической философии Франции и Испании, идеям югославского самоуправления, еврокоммунизму, опыту социал-демократии и т. д. С одной стороны, „молодые социалисты” тщательно изучали все течения западного марксизма (от Бернштейна до Грамши, Сартра и Маркузе), с другой — подвергали критике как „партийно-демократическую идеологию”, так и „необольшевизм” или анархизм, распространенный среди молодежных групп. Задача состояла в том, чтобы объединить всех левых на широкой основе, какой ни „партийно-демократические” идеи, ни радикальный „необольшевизм” быть не могут.

Вторым важным моментом было то, что „молодые социалисты” стремились не останавливаться на общих идеологических рассуждениях, а перейти к конкретному анализу конкрет-

ных ситуаций. Именно на этом конкретном анализе они стремились показать превосходство неомарксистской методологии и применимость социалистических принципов к решению экономических проблем страны. Идеология как таковая постепенно отодвигалась на второй план. В этом смысле следует упомянуть замечательную работу В. Чернецкого и Ю. Хавкина (псевдонимы: Е. Вольный, Н. Абрикосов) „Движение – все”, посвященную анализу коррупционных связей и их роли в процессе хозяйственного воспроизводства. Исследователи приходили к выводу, что „коррупционная” деятельность в известном смысле компенсирует недостатки системы и позволяет ей сохранять некоторую стабильность.

Третьим элементом в стратегии „борьбы за реабилитацию социалистических идей” было стремление доказать, что именно левые обладают реалистической программой преобразований, приемлемой для советского общества. Авторы „Вариантов” тщательно изучали опыт и идеи восточноевропейских реформистов (О. Шика, В. Бруса, Я. Корнаи, деятелей „Пражской весны” и „Солидарности”). Они явно ориентировались на „самое управленческий рыночный социализм”. В отличие от „необольшевиков” и „истинных ленинцев” их интересовали не только революционные, но и реформистские традиции рабочего движения.

Некоторого успеха им удалось достичь в кругах леволиберальной интеллигенции, где многие, не разделяя полностью их взглядов, симпатизировали им. Для прогрессивно настроенных демократов идеи „молодых социалистов” во всяком случае казались значительно ближе, нежели теории правоавторитарного и националистического течений, с которыми и велась основная борьба. Подобные социал-либеральные настроения отразились в рецензии на журнал „Левый поворот”, опубликованной позднее парижской „Альтернативой”. Автор рецензии – не марксист, а прогрессивный либерал, но он заявляет о своей поддержке „молодых социалистов”, избравших наиболее реальный путь борьбы за демократические преобразования – „сим победиши”.

Следующий момент, нуждающийся в разъяснении – помилование „молодым социалистам”, дарованное Андроповым в 1983 году после того, как их продержали 13 месяцев в тюрь-

ме без суда. Решающим фактором здесь оказалась не поддержка западных левых и тем более не готовность „раскаяться”, а разногласия в самом Кремле. На следствии „молодые социалисты” вели себя по-разному. Кудюкин и Фадин действительно заявили о раскаянии, но на последнем допросе Кудюкин взял свое заявление назад. Чернецкий и Кагарлицкий признали себя виновными в нарушении советских законов, но настаивали на том, что это не означает отказа от своих идей, ибо, как заявил Чернецкий, „соблюдение законов само по себе вообще никогда не было двигателем прогресса”.

Специфика ситуации состояла в том, что Федорчук, возглавивший КГБ в апреле 1982 г., попытался использовать дело „молодых социалистов” против людей Андропова в собственной организации. Дело всячески раздувалось для того чтобы доказать, будто в период андроповского руководства КГБ была проявлена излишняя беспечность и либерализм. Обвинение было основано не только на ст. 70 УК РСФСР („антисоветская агитация”), но и на ст. 72 („антисоветская организация”). Если бы дело дошло до суда в той форме, которую ему придал Федорчук, необходимо было бы наказать сотрудников госбезопасности, под носом у которых эта „организация” сформировалась. Андропов был явно не заинтересован в подобном исходе. Поэтому, отстранив Федорчука, он предпочел просто помиловать заключенных. Кондрашев и Андрюшин, арестованные одновременно с „вариантовцами”, получили небольшие сроки. Лишь Ривкин, отказавшийся выдать место нахождения типографского шрифта, вынужден был расплачиваться за всех и получил максимальное наказание.

В своих теоретических построениях „молодые социалисты” непременно указывали на возможность разногласий и раскола в правящей верхушке. Независимо от того, насколько верными были прочие их идеи, данная догадка подтвердилась самым счастливым для них образом...

Это письмо редакция получила непосредственно перед тем, как номер был сдан в печать. Автор – недавно выехавший из Советского Союза эмигрант.